

ВВЕДЕНИЕ

Воспоминания о замечательных людях, так же как и близость значительных произведений искусства, время от времени пробуждают в нас дух размышления. Они возникают перед нами как заветы для всех поколений, первые — в деяниях и славе, вторые — как некие чудом сохранившиеся существа. Каждый разумный человек знает, что, собственно говоря, подлинную ценность имеет только рассмотрение их в своеобразной целостности, и все же пытается — мыслью и словом — что-то извлечь из них.

В этом мы чувствуем особую потребность, когда открывается и обнаружится что-нибудь новое, имеющее отношение к подобным явлениям; поэтому наши возобновленные наблюдения над Винкельманом, его характером и всем, им содеянным, будут особенно уместны именно теперь, в момент, когда только что изданные письма проливают новый свет на его образ мыслей и жизнь.

ПИСЬМА ВИНКЕЛЬМАНА К БЕРЕНДИСУ

Письма принадлежат к числу наиболее значительных памятников, оставляемых по себе человеком. Людям, одаренным живым воображением, даже и при разговоре с самим собой кажется, что вблизи них находится отсутствующий друг, которому они поверяют свои сокровенные мысли; так и письмо является подобием разговора с самим собой. Ибо, сплошь и рядом, друг, к которому пишешь, служит скорее поводом, чем объектом письма. Все, что нас радует или тревожит, угнетает или занимает, словно отходит от сердца, и, как непреходящие следы чьего-то существования или настроения, такие листки тем интереснее для потомства, чем больше был пишущий захвачен моментом, чем меньше он думал о грядущем. Письма Винкельмана часто носят этот желательный нам характер.

Если этот достойный человек, сложившийся в уединении, всегда был сдержан в обществе, серьезен и вдумчив в жизни, то перед листком почтовой бумаги он проникался ощущением всей своей природной свободы и часто, не задумываясь, изображал вещи так, как он их чувствовал. Мы видим его озабоченным, испуганным, смятенным, сомневающимся и нерешительным, а вслед за тем снова бодрым, возбужденным, доверчивым, мужественным, смелым, распушенным до цинизма, но всегда — мужем стойкого характера, уповающим на самого себя, который, несмотря на то, что внешние обстоятельства открывали богатейший выбор его воображению, почти всегда умел избрать наилучший путь, за исключением последнего, нетерпеливого, рокового шага, который и стоил ему жизни.

Письма Винкельмана, несмотря на свойственные им, в основном, черты суровой правдивости и резкости, в зависимости от лица, которому они адресованы, носят совершенно различный характер, что всегда случается с остроумным корреспондентом, когда он ощущает непосредственную близость лица, с которым беседует на расстоянии, и следовательно, как это бывает и в личной беседе, не может пренебречь соответствующим и подходящим.

Таковы, поскольку мы говорим лишь о наиболее богатых собраниях винкельмановских писем, — его письма к Штоцу. Они являются для нас великолепными документами благородного сотрудничества с другом во имя определенной цели и свидетельствуют о большой твердости в трудном, легкомысленно, без соответствующей подготовки, предпринятом, но мужественно и удачно проведенном деле. Эти письма, испещренные новостями, литературными, политическими, светскими, являются ценнейшим документом, который представлял бы еще больший интерес, если бы он мог быть напечатан целиком, без всяких сокращений. Прекрасно даже то прямотушие в страстных порицаниях, обращенных к другу, которому корреспондент обычно не устает выказывать уважение и любовь, благодарность и теплые чувства.

Ощущение собственного превосходства и достоинства, наряду с подлинно высокой оценкой других, проявления дружбы, тоски, шаловливости и насмешки, которыми характеризуются его письма к швейцарцам, делают это собрание в высшей степени интересным и достойным сочувствия; к тому же они и достаточно назидательны, хотя в целом письма Винкельмана назидательными назвать нельзя.

Первые письма к графу Бюнау из ценнейшего Дассдорфского собрания свидетельствуют о подавленном, замкнувшемся в себе умонастроении человека, едва осмеливающегося взирать на столь высокого покровителя. Странное письмо, в котором Винкельман оповещает его о перемене религии, — скорее пустой набор слов. Но для того, чтобы постичь ту эпоху, чтобы сделать ее достаточно наглядной, лучше всего служит первая половина его писем к Берендису. Они написаны частично из Нётница, частично из Дрездена и адресованы закадычному другу и товарищу. Корреспондент вырисовывается здесь со всеми своими настойчивыми, непреодолимыми желаниями, находящимися в тягостном состоянии, на пути к далекому, новому, с уверенностью отыскиваемому счастью.

Другая половина этих писем написана из Италии. Они сохраняют свойственный Винкельману резкий, непринужденный тон, но овеяны радостью итальянского неба, одушевлены восхищением от достигнутой цели.

Кроме того, они дают, по сравнению с другими, уже известными письмами этой же поры более полное представление о всей его тогдашней жизни.

Судить об этом собрании, быть может, более важным для изучения человека, чем литературы, и почувствовать его мы предоставляем восприимчивым душам и проникновенным умам и только добавим несколько слов о человеке, которому они адресованы и о котором мы узнали следующее:

Иероним Дитрих Берендис родился в Зеехаузене в Альтмарке в 1720 году, изучал право в Галле и по окончании учения был несколько лет военным юристом в королевском прусском гусарском полку, обычно именовавшемся черным, по цвету мундиров, на самом же деле называвшемся Рюшским, по имени его тогдашнего командира фон Рюша. Покончив с этой суровой жизнью, он продолжал свое учение в Берлине. Во время своего пребывания в Зеехаузене он встретился с Винкельманом, с которым его связала тесная дружба и по рекомендации которого он получил место гофмейстера у младшего графа Бюнау. С последним он отправился в Брауншвейг, где его питомец посещал Carolinum. Так как граф вскоре поступил на французскую службу, его отец, бывший в то время министром в Веймаре, помог нашему Берендису зачислиться на выше помянутую нами княжескую службу, где он сначала занимает должность военного

советника, затем коллежского советника и кастеляна вдовствующей герцогини. Он умер в 1783 году 26 октября в Веймаре.

ВСТУПЛЕНИЕ

Если природа не отказывает заурядному человеку в драгоценном даре, — под ним я подразумеваю живое стремление с детских лет радостно относиться к окружающему миру, познавать его, завязывать с ним отношения и в общении с ним составлять единое целое, — люди большого духа часто как бы робеют перед действительной жизнью и самоуглубляются для того, чтобы у себя в душе построить свой особый мир, и только таким образом создают наилучшее и для внешнего.

Если же, напротив, мы видим в особо одаренном человеке постоянное стремление ревностно отыскивать для всего, что заложила в него природа, соответственные образы во внешнем мире и тем самым возвышать внутреннее до чего-то цельного и неоспоримого, то можно быть уверенным, что и здесь сложится для современности и потомства в высшей степени полезная жизнь.

Таков был и наш Винкельман. Природа вложила в него все, что создает мужа и украшает его. Он же, со своей стороны, посвятил всю свою жизнь отысканию достойного, прекрасного и замечательного в человеке и в искусстве, которое преимущественно занимается человеком.

Нищенское детство, недостаточное образование в отрочестве, отрывочные, разбросанные занятия в юношеском возрасте, тяготы учительского звания и все, что на подобном поприще узнаешь унижительного и тяжелого, он претерпел вместе со многими другими. Винкельман достиг тридцати лет, не порадовавшись ни единой милости судьбы; но в нем самом были заложены ростки желанного и возможного счастья.

Мы находим даже в это печальное для него время следы, — правда, еще неясные и запутанные, но уже достаточно выраженные, — его стремления собственными глазами ознакомиться с жизнью мира.

Некоторые недостаточно продуманные попытки увидеть чужие страны не удалось ему. Он мечтал о путешествии в Египет, он направлялся во Францию; непредвиденные препятствия заставляли его возвращаться вспять. Правильно руководимый своим гением, он наконец ухватился за идею пробить себе дорогу в Рим. Он чувствовал, сколь полезно для него будет пребывание в этом городе. Это была уже не нечаянная мысль, не мечта, это был задуманный план, которому он следовал с умом и решимостью.

АНТИЧНОЕ

Человек в состоянии создать многое путем целесообразного использования отдельных сил, он в состоянии создать исключительное благодаря взаимодействию различных способностей; но единственное и совсем неожиданное он творит лишь тогда, когда в нем равномерно соединятся все качества. Последнее было счастливым уделом древних, в особенности греков, в их лучшую пору; для первого и второго предназначены судьбою мы, люди позднейших поколений.

Когда здоровая натура человека действует как единое целое, когда человек ощущает себя в мире как в некоем великом, замечательном, прекрасном и достойном целом, когда наслаждение гармонией вызывает у него чистое и свободное восхищение, тогда Вселенная — если б только она могла увидеть себя у достигнутой цели — вскрикнула бы, ликуя, и преклонилась перед вершиной своего становления и существования. Ибо к чему все это великолепие солнц, и планет, и лун, звезд и Млечных Путей, комет и туманностей, существующих и зарождающихся миров, если в конце концов счастливый человек не будет бессознательно радоваться своему существованию?

Если новый человек, — как это только что произошло и с нами, — почти при любом созерцании порывается к бесконечному, чтобы в конце концов — и то если ему посчастливится — снова возвратиться к исходной точке, то древние, без всяких околнностей, испытывали величайшее и единственное наслаждение в чудесных границах этого прекрасного мира. Сюда они были поставлены, к этому призваны, здесь их деятельность находила применение, их страсть — объект и пищу.

Разве их историки и поэты не вызывают изумления исследователя и отчаяния подражателя именно тем, что выводимые ими лица принимают столь живое участие в своей собственной судьбе, в ограниченном кругу интересов своей родины, в ясно обозначенном пути своей жизни, равно как и жизни своих соотечественников, и всей душой, всеми склонностями, всей силой воздействуют на окружающее? Оттого-то и мыслящему по их подобию историографу было нетрудно увековечить это прекрасное время.

Для них имело значение только то, что происходило, подобно тому как для нас приобретает некоторое значение лишь то, что мы думаем или чувствуем.

Одинаковым образом жили поэт — в своем воображении, историк — в политике, исследователь — в мире природы. Все придерживались ближайшего, подлинного, правдивого, и даже порождения их фантазии — из плоти и крови. Человек и человеческое почитались превыше всего; и все его внутренние и внешние соотношения с миром усматривались и изображались с таким умением, что становились как бы наглядными. Еще не распались тогда на части чувство и созерцание, еще не появилась эта едва ли исцелимая трещина в здоровом человеческом духе.

Но не только наслаждаться счастьем были призваны эти натуры, они умели также переносить и беду; как здоровая клетка противится болезни и после каждого ее приступа быстро восстанавливается, так и здравый смысл древних легко и быстро вступал в свои права после каждого внутреннего или внешнего потрясения. Такая античная натура, поскольку это понятие можно применить к нашему современнику, возродилась в Винкельмане. С самого начала выдержала она невероятное испытание, ибо тридцать лет унижения, неудач и горя не обуздали ее, не притупили, не выбили из колеи. Как только Винкельман достиг отвечающей его духу свободы, он предстал перед нами цельным и завершенным в античном понимании этих слов. Предназначенный роком к деятельности, наслаждению и отречению, радости и горю, обладанию и потерям, возвышению и унижению, он оставался в этой удивительной смене всегда довольным прекрасной землей, на которой изменчивая судьба готовит нам испытания.

Поскольку он обладал подлинным духом древних в жизни, последний не изменял ему и в его трудах. Но если уже и древние, занимаясь

науками, находились в познаваемом или достойном познания, ибо познавание многообразных, лежащих вне человека объектов неизбежно требует разделения сил и способностей, известного дробления единства, — то на долю нового человека выпала в этом смысле еще более отважная игра, поскольку перед ним возникает опасность рассеяться при изучении столь многообразного познаваемого и потеряться в не связанных между собой знаниях, не имея возможности, как это делали древние, дополнять недостающее совершенством собственной личности.

Сколько ни блуждал Винкельман в познаваемом или достойном познания, — ведомый отчасти любовью и охотой, отчасти же и необходимостью, — он все же, раньше или позднее, неминуемо возвращался к древнему миру, в особенности к греческому, с которым он чувствовал такое сродство и с которым ему суждено было так счастливо соединиться в лучшие дни своей жизни.

ЯЗЫЧЕСКОЕ

Такое изображение духа древности, обращенного к посюстороннему миру и его благам, прямиком приводит нас к наблюдению, что подобные достоинства возможны лишь в соединении с духом язычества. Это упование на самого себя, эта деятельность, направленная на современность, это чистое почитание богов своими предками и восхищение ими как произведениями искусства, покорность неодолимому року, само грядущее, обращенное, благодаря всемогущей посмертной славе, к нашей земле, — здесь столь необходимо друг с другом сочетаются, составляя некое нераздельное целое и образуя самой природой предначертанное состояние человека, что в минуты высокого наслаждения, равно как и глубочайшего самопожертвования, более того — в минуты гибели, мы одинаково видим в древних проявление несокрушимо здорового естества.

Это языческое мироощущение светится во всех поступках и работах Винкельмана и особенно ярко проступает в письмах ранней поры, где его дух еще закаляется в борьбе с новейшими религиозными убеждениями. Такой образ мыслей, такой уход от всякого христианского миропонимания, более того — отвращение к нему, надо не терять из виду, когда хочешь судить о так называемой перемене религии Винкельманом. Партии, на которые делится христианская религия, были ему одинаково безразличны, ибо в силу своей природы он никогда не принадлежал ни к одной из церквей.

ДРУЖБА

Если древние, — за что мы их превозносим, — были подлинно целостными людьми, то они должны были, при их радостном восприятии себя и окружающего мира, познать во всем объеме отношения между отдельными человеческими существами и не могли пройти мимо того восторга, который порождается союзом двух сходственных натур.

И здесь также выступает примечательное различие между древним и новым временем. Отношение к женщине, ставшее у нас столь тонким и одухотворенным, едва возвышалось тогда над границами самых низменных потребностей. Отношение родителей к детям было, по-видимому, несколько более благородным. Но все эти чувства заменяла им дружба между лицами мужского пола, хотя мы знаем также и о Хлориде и Тийе, подругах, неразлучных даже в аду.

Страстное выполнение обрядов любви, блаженство неразлучности, самопожертвование одного для другого, выраженное предопределение на всю жизнь и неизбежное сопутствие в смерть повергают нас при созерцании союза двух юношей в изумление, и мы чувствуем себя пристыженными, когда поэты, историки, философы, ораторы засыпают нас сказаниями, событиями, чувствами, убеждениями подобного содержания и значения.

Винкельман ощущал себя рожденным для такого рода дружбы, не только склонным к ней, но и всем своим существом ее жаждущим; он воспринимал самого себя только в формах дружбы, он создавал себя только в образе целого, дополненного присутствием другого. Уже в ранние годы воплотил он эту идею в объект, может быть, недостойный, посвятил себя ему, во имя его жил и страдал; ради него при всей своей бедности изыскивал средства быть богатым, жертвовал собой, не колеблясь заложил бы для него свое существование, свою жизнь. Здесь, даже в нужде и унижении, Винкельман чувствует себя великим, богатым, щедрым и счастливым, всегда готовым помочь тому, кого он любит больше всего на свете, кому он — и это высшее самопожертвование! — прощает даже неблагодарность.

Как ни менялись времена и обстоятельства, Винкельман одинаково стремился превращать все достойное, с чем он встречался, в новую дружбу; и если многие из этих кумиров легко и быстро исчезали с его пути, то все же столь благородное его стремление завоевывало ему много достойнейших сердец, и он имел счастье поддерживать прекрасные отношения с лучшими людьми своего круга и времени.

КРАСОТА

Но поскольку глубокая потребность в дружбе, в сущности, сама создает и формирует свой объект, постольку для человека, мыслящего по образу и подобию древних, отсюда возникает лишь одностороннее, нравственное благо, внешний же мир мало что принесет ему, если по счастливой случайности он не встретит родственного, сходного влечения и не столкнется с человеком, способным таковое удовлетворить. Мы имеем в виду стремление к чувственно-прекрасному, а также и само чувственно-прекрасное; ибо высший продукт постоянно совершенствующейся природы — это прекрасный человек. Правда, природе лишь редко удается создать его; ее идеям противоборствует слишком много различных условий, и даже для ее всемогущества невозможно долго пребывать в совершенном и даровать прочность раз сотворенной красоте, ибо, точно говоря, прекрасный человек прекрасен только мгновение.

Против этого и выступает искусство: человек, поставленный на вершину природы, в свою очередь, начинает смотреть на себя как на природу в целом, которая сызнова, уже в своих пределах, должна создать вершину. С этой целью он возвышает себя, проникаясь всеми совершенствами и добродетелями, взывает к избранному, к порядку, к гармонии, к значительному и поднимается, наконец, до создания произведения искусства, которому, наряду с другими его деяниями и творениями, принадлежит столь блистательное место. Когда же произведение искусства уже создано и стоит в своей идеальной действительности перед миром, оно несет с собою прочное воздействие, наивысшее из всех существующих, ибо, развиваясь из соединения всех духовных сил, оно одновременно вбирает в себя все великое, все достойное любви и почитания и, одухотворяя человеческий образ, возносит человека над самим собой, замыкает круг его жизни и деятельности и обожествляет его для современности, в которой равно заключены и прошедшее и будущее. Подобными чувствами, судя

по преданиям древних, бывали охвачены тем, кто видел Юпитера Олимпийского. Бог превратился в человека, чтобы человека возвысить до божества. Узрев величайшее совершенство, люди воодушевлялись величайшей красотой.

И в этом смысле надлежит согласиться с древними, говорившими с полным убеждением: великое несчастье умереть, не увидав этого творения.

Для такой красоты Винкельман был создан по самой своей природе. Он впервые познал ее и в писаниях древних; но воплощенной она предстала перед ним лишь в произведениях изобразительного искусства, по которому мы впервые знакомимся с ней, чтобы затем, в образах живой природы, познать и оценить ее.

И если обе потребности — в дружбе и в красоте — одновременно находят пищу в одном и том же объекте, то счастье и благодарность человека переходят границы, и он охотно отдает все, чем владеет, видя в этой жертве лишь ничтожное доказательство своего почитания и приверженности.

Поэтому мы так часто наблюдаем Винкельмана в общении с прекрасными юношами, и никогда он не кажется нам более оживленным и очаровательным, чем в эти, часто лишь мимолетные, мгновения.

КАТОЛИЦИЗМ

С такими убеждениями, с такими потребностями и желаниями Винкельман долгое время тянул лямку служения чуждым ему целям; нигде вокруг себя не видел он ни малейшей надежды на помощь или поддержку.

Граф Бюнау, которому в качестве любителя пришлось бы купить только одной редкостной книгой меньше, чтобы открыть перед Винкельманом путь в Рим, и который, будучи министром, пользовался достаточным влиянием, чтобы помочь этому превосходному человеку выбраться из всех затруднений, видимо, не пожелал лишиться его как дельного слуги или же не понял всего величия заслуги даровать миру замечательного человека. Дрезденский двор, где также можно было рассчитывать на значительную поддержку, исповедовал римскую веру, и там, по-видимому, существовал лишь один путь к милостям и благоволению — через духовников и других служителей церкви.

Пример государя мощно воздействует на окружающих и с тайной силой вызывает каждого подданного к сходным поступкам, которые в состоянии совершить человек в частной жизни, а стало быть, главным образом к поступкам нравственного порядка. Религия государя в известном смысле всегда остается господствующей, римская же церковь, подобно бурлящему потоку, вечно втягивает в свой круговорот спокойно катящиеся волны. При этом Винкельман не мог не чувствовать, что для того, чтобы стать в Риме римлянином, внутренне слиться с тамошним бытом и снискать к себе доверие, необходимо примкнуть к римской церкви, предаться ее вероучению, покориться ее обрядам. И последствия ясно доказали, что без этого заранее принятого решения Винкельман не достиг бы полностью своей цели. Решение это к тому же значительно облегчалось тем, что его как прирожденного язычника протестантское крещение все равно не могло обратить в христианина.

И все же перемена вероисповедания далась Винкельману не без сильной внутренней борьбы. Мы можем, согласно своим убеждениям, достаточно взвесив все основания, принять наконец известное решение, полностью гармонирующее с нашей волей, желаниями и потребностями, более того — необходимое для поддержания и продления нашего существования, и тем самым прийти к полному согласию с самим собой. Но это решение может находиться в противоречии с общепринятым мнением, с убеждениями многих людей; и тогда начинается новая борьба, которая, хотя и не возбуждает в нас неуверенности, но вызывает неприятное чувство, нетерпеливую досаду на то, что мы на поверхности замечаем кое-где только дробь, тогда как внутри себя видим целые числа.

Так и Винкельман, совершив свой вполне обдуманный шаг, кажется озабоченным, испуганным, огорченным, полным смятения при мысли о том, какое впечатление произведет его поступок, в частности, на графа, его первого благодетеля. Как глубоки, прекрасны и правдивы его искренние высказывания по этому поводу!

Ибо, конечно, каждый переменявший свою веру остается как бы забрызганным какой-то грязью, очиститься от коей кажется невозможным. Из этого видно, что люди ценят превыше всего твердую волю. Ценят ее тем более, что сами, разделенные на партии, постоянно имеют при этом в виду свою собственную твердость и постоянство. Здесь нет речи ни о чувстве, ни об убеждениях. Приходится проявлять стойкость там, куда нас завел скорее случай, чем собственный выбор. Оставаться верным народу, городу, государю, другу, женщине — все сводить к этому, все совершать во имя этого, от всего отказываться и терпеть, — вот то, что вызывает одобрение; отступничество же остается ненавистным, колебание вызывает насмешки.

То была точка зрения весьма строгая и серьезная, но на это можно взглянуть и с другой стороны, откуда все представится значительно проще и веселее. Известные состояния человеческого духа, которые мы отнюдь не одобряем, известные нравственные пятна на репутации третьего лица имеют для нашей фантазии особую притягательность. Если нам будет разрешено прибегнуть к сравнению, то здесь происходит то же самое, что с дичью, которая с небольшим запашком кажется гурману куда вкуснее свежей. Разведенная жена, ренегат имеют для нас особую привлекательность. Люди, которые при иных обстоятельствах показались бы разве что значительными и заслуживающими уважения, теперь представляются нам необыкновенными, и не будем отрицать, что перемена веры Винкельманом заметно возвышает в наших глазах романтическую сторону его жизни и существа.

Но для самого Винкельмана в католической религии не было ничего привлекательного. Он видел в ней лишь маскарадный наряд, который накинул на себя, и достаточно прямо высказывал это. Позднее он, видимо, недостаточно придерживался ее обрядов, пожалуй, даже навлекал на себя вольнодумными речами подозрение некоторых ретивых ее приверженцев; так или иначе, но кое-где у него проглядывает страх перед инквизицией.

ОТКРЫТИЕ ГРЕЧЕСКОГО ИСКУССТВА

От литературы, даже от высшего, что занимается словом и языком, — от поэзии и риторики, перейти к изобразительным искусствам трудно, пожалуй, даже невозможно. Ибо между ними зияет огромная пропасть, пронести над которой нас может только одаренная особыми свойствами натура. Для того чтобы судить, насколько это удалось Винкельману, мы располагаем целой грудой документов.

Радость наслаждения впервые привлекла его к сокровищам искусства, однако для использования их, для суждения о них он нуждался еще в посредничестве художника, чьи более или менее веские мнения он умел воспринимать, исправлять и приводить в соответствующий порядок. Таково происхождение его изданной еще в Дрездене и снабженной двумя приложениями работы «О подражании греческим произведениям в живописи и в скульптуре».

Как ни верен тот путь, по которому уже и здесь идет Винкельман, как ни ценны основоположения, которые содержит этот труд, как ни правильно указана конечная цель искусства, все же эта работа как по содержанию, так и по форме настолько вычурна и причудлива, что мы тщетно стали бы пытаться во что бы то ни стало отыскать ее смысл, если бы не были несколько ближе осведомлены о личностях, собравшихся в ту пору в Саксонии, знатоков и критиков искусства, а также о их способностях, мнениях, склонностях и причудах. Посему эти писания навсегда останутся закрытой книгой для потомства, если сведущие любители искусства, жившие ближе к тем временам, не решатся, пока еще не поздно, описать тогдашние обстоятельства или хотя бы подействовать этому.

Липперт, Хагедорн, Эзер, Дитрих, Гейнекен, Эстеррейх увлекались искусством, поощряли его и занимались им каждый на свой лад. Их цели были ограничены, их максимы односторонни, часто даже причудливы. Среди них курсировали рассказы и анекдоты, назначением которых было не только развлекать, но и поучать общество. Из этих-то элементов и складывались упомянутые писания Винкельмана, которые он, впрочем, вскоре сам признал несостоятельными. И все же, если и недостаточно подготовленный, то по меньшей мере уже несколько искушенный, он попал наконец на свою стезю и добрался до той страны, где для каждого способного чувствовать наступает подлинная эпоха совершенствования. Эта страна охватывает все его существо и дает плоды, которые оказываются в одинаковой мере реальными и гармоническими, так как, впоследствии, образуют узы, достаточно крепкие, чтобы соединить совершенно различных людей.

РИМ

Винкельман был теперь в Риме, и кто мог лучше него почувствовать великое воздействие, оказываемое этим городом на подлинно восприимчивую натуру. Он видит свои желания осуществленными, свое счастье прочно обоснованным, свои надежды более чем удовлетворенными. Во плоти толпятся вокруг него его идеи, и, пораженный, он бродит среди останков гигантской эпохи: прекраснейшее из всего, что было создано искусством, здесь стоит под открытым небом; безвозмездно, как к звездам на небосводе, поднимает он глаза к этим чудесным произведениям, и каждое скрытое сокровище раскрывается перед ним за небольшую лепту. Приезжий, как пилигрим, никем не замечаемый, в своей скромной одежде, приближается к прекраснейшему и священнейшему. Единичное еще не доходит до него, но целое действует бесконечно разнообразно, и он уже предчувствует гармонию, которая должна возникнуть из этих многочисленных, часто кажущихся даже враждебными друг другу элементов. Он все осматривает и созерцает, и, к вящему удовольствию, его принимают за художника, за которого в конце концов всегда слышешь так охотно.

Но вместо всех дальнейших рассуждений мы лучше сообщим читателю, как описал один из наших друзей то могучее впечатление, которое на него произвело пребывание в Риме:

«Рим — это место, где, как кажется, стягивается воедино весь древний мир, все, что мы чувствуем, когда читаем древних поэтов и древние государственные уставы. В Риме все это мы больше чем ощущаем, мы это зрим воочию. И как Гомера нельзя сравнить ни с каким другим поэтом, так Рим и окрестности Рима не сравнить с другими городами. Правда, большая часть этих впечатлений исходит от нас, а не от самого объекта; но это не только волнующая мысль стоять на месте, где стоял тот или другой великий человек, это могучий полет в прошлое, которое, может быть, в силу необходимого заблуждения, мы привыкли считать столь возвышенным и благородным; полет, которому никто не может противиться, ибо запустение, в котором теперешние обитатели оставляют свою страну, и невероятное нагромождение развалин — сами обращают наш взор к минувшему. А так как это минувшее здесь возникает перед нашим внутренним взором в величии, исключаящем всякую зависть, то мы чувствуем себя более чем счастливыми, когда участвуем в нем, хотя бы в воображении; впрочем, о ином участии здесь и не помышляешь. Внешним же нашим чувствам одновременно открывается изящество форм, величие и простота образов, растительность, богатая и все же не чрезмерно расточительная, как это бывает в более южных краях; определенность контуров, не тонущих в прозрачном медиуме, и удивительное разнообразие красок. Поэтому даже и наслаждение природой здесь уподобляется чистому, свободному от вожделений наслаждению искусством. Повсюду в других местах к нему присоединяются идеи контраста, и оно становится элегическим или сатирическим. Впрочем, разумеется, только для нас. Горацию Тибур казался современнее, чем нам представляется Тиволи. Это доказывает его «*beatus ille, qui procul negotiiis*»[1]. Но, право, не стоит желать самим быть жителями Афин или Рима. Лишь издалека, свободным от обыденности, как нечто безвозвратно прошедшее, должен нам открываться древний мир. Здесь происходит примерно то, что я испытывал с моим другом при раскопках руин. Мы всегда досадовали, когда отрывали предмет, только наполовину ушедший в землю, ибо в лучшем случае это было приобретением для науки за счет фантазии. Для меня существуют только две одинаково страшных вещи: если бы вздумали возделывать и засеять *Campagna di Roma*[2] или бы обратили Рим в полицейский город, где ни один человек не носил бы больше кинжала. Объявись когда-нибудь любящий порядок папа, — от чего да упасут нас семьдесят два кардинала, — я сбегу. Лишь тогда, когда в Риме царит такая божественная анархия, а вокруг него такое дивное запустение, остается место для теней прошлого, из коих каждая ценнее всех позднейших поколений».

МЕНГС

Но Винкельман еще долгое время ощупью отыскивал бы объекты, достойные его созерцания, в обширной груде обломков древнего мира, если бы счастливый случай вскоре не свел его с Менгсом. Этот человек, большой талант которого устремлялся к древним, главным же образом — прекрасным произведениям искусства, тотчас же ознакомил своего друга с наиболее выдающимся из того, что достойно нашего внимания. Здесь последний познал как красоту форм, так и способы ее создания и тотчас же, вдохновленный этим, стал работать над сочинением «О вкусе греческих художников».

Но так как невозможно долго и внимательно соприкоснуться с произведениями искусства без того, чтобы не заметить, что они не только порождены различными художниками, но и различными эпохами и что страны и индивидуальные достоинства должны изучаться

одновременно, то и Винкельман со свойственной ему прямотой решил, что здесь-то и проходит ось подлинного искусствознания. Он обратился сперва к наивысшему, намереваясь его изложить в работе «О стиле скульптуры во времена Фидия», но вскоре возвысился от единичного до идеи создания истории искусства и открыл, подобно новому Колумбу, давно вожделенную, чаянную и манящую, более того — уже ранее известную, но вновь утраченную землю.

Всегда печально наблюдать за тем, как сперва благодаря римлянам, позднее же вследствие вторжения северных народов и происшедшего отсюда сумбура человечество очутилось в таком положении, при котором всякое чистое и подлинное совершенствование оказалось затруднено на долгие времена, пожалуй, даже навеки.

Можно заглянуть в какую угодно науку или искусство, и убедишься, что непосредственное и правильное чутье уже открыло древним многое из того, что впоследствии, благодаря варварству и варварским способам спасения от варварства, стало тайной, продолжает ею быть и для толпы еще надолго тайной останется, ибо высшая культура новейшего времени в состоянии лишь медленно влиять на всеобщее развитие.

Здесь мы не говорим о технике, которую человечество призвало к себе на службу, не спрашивая, откуда она пришла и куда поведет нас.

Поводом для этих замечаний послужили некоторые места из древних авторов, где уже находишь чаяния, а иногда и указания на возможность и необходимость создания истории искусства. Velleius Paterculus с живым участием следит за подобным возвышением и падением всех искусств. Как бывалого человека, его больше всего занимает наблюдение, что они лишь очень короткое время удерживаются на той высшей точке, которой способны достигнуть. Со своей позиции он не мог рассматривать искусство в целом как нечто живое, обладающее своим незримым зарождением, медленным ростом, блистательной порой зрелости и постепенным нисхождением, как и всякое другое органическое существо, способное, однако, покарать все это лишь на примере множества индивидуумов.

Поэтому он приводит причины только нравственного порядка, которые, разумеется, должны быть признаны соучаствующими, но удовлетворить его острую пронизательность они не в силах, ибо он чувствует, что дело здесь — в некоей необходимости, а она не может складываться из свободных элементов.

«То, что одно и то же происходит с ораторами, грамматиками, живописцами и ваятелями, поймет каждый, кто проследит свидетельства эпох; ибо бесспорно, что наивысшее проявление искусства заключается в наиболее узкий круг времени. Отчего ряд людей, сходных между собой и даровитых, становятся средоточием определенного круга лет и, объединившись для занятий одним и тем же искусством, способствуют его преуспеваю, — об этом я думаю постоянно, но не нахожу причин, которые считал бы правильными. Среди наиболее вероятных важнейшими мне кажутся следующие: соревнование питает таланты, то зависть, то восхищение побуждают нас к подражанию, и созданное со столь великим усердием быстро поднимается на высшую ступень. Однако пребывать в совершенном трудно, а то, что не может идти вперед, конечно же, обращается вспять. Итак, сначала мы тщимся следовать за идущими впереди, но затем, когда мы их перегоняем или же отчаиваемся догнать, усердие и надежды стареют, и мы не преследуем цели, которой нельзя достичь, и не стремимся овладеть тем, что уже захватили другие. Мы начинаем выискивать новое, оставляя то, в чем не можем блистать, мы ищем другую цель для наших стремлений. Из этого непостоянства и возникает, как нам думается, величайшее препятствие для создания совершенных произведений».

Также заслуживает быть отмеченным, в качестве знаменательного памятника, воздвигнутого на этом поприще, и одно место у Квинтилиана, содержащее сжатый набросок древней истории искусств.

Квинтилиану в беседах с римскими любителями искусств удалось открыть разительное сходство между характерными чертами, равно присущими греческим художникам и римским ораторам, и, найдя тому подтверждение у знатоков и друзей искусства, он был вынужден, строя свои сравнения, при которых характер искусства каждый раз совпадал с характером времени, сам того не ведая и не желая, создать историю искусств.

«Говорят, что первыми знаменитыми живописцами, чьи произведения мы приходим смотреть не только из-за их древности, были Полигнот и Аглаофон. Их простой колорит еще и сейчас находит горячих поклонников, которые предпочитают первые, сырые работы и начинания только еще развивающегося искусства великим мастерам последующих эпох, — как мне думается, в силу своеобразного образа мыслей.

Позднее Зевксис и Паррасий, жившие почти в одно и то же время, оба в годы Пелопоннесской войны, сильно двинули вперед искусство. Первый будто бы открыл законы света и тени, другой же усердно занялся изучением линий. В дальнейшем Зевксис сообщил бо?льшую выразительность человеческим членам, сделав их более законченными и величественными. В этом он, как принято думать, подражал Гомеру, которому нравились могучие формы даже в женщинах. Паррасий же работал так, что заслужил название законодателя, ибо и впоследствии все считали себя обязанными подражать ему, придерживаясь тех прообразов богов и героев, которые он создал.

Так процветала живопись со времен Филиппа и до преемников Александра, представленная самыми различными талантами. До сих пор непревзойденными остались тщательность Протогенеса, вдумчивость Памфила и Мелантия, легкость Антифила, изобретательность, называемая фантазией, Феона Самосского и вдохновенное изящество Апеллеса. Евфранором же восхищаются, причисляя его к достойнейшим, ибо он соблюдал все требования искусства и был одинаково великолепен как в живописи, так и в скульптуре.

Те же самые ступени развития мы видим и в искусстве ваяния. Калон и Эгесий работали жестче, ближе к манере тосканцев, Каламид же менее сурово и еще изысканнее Мирон.

Усердием и благообразием всех превосходит Поликлет. Многие отдают ему пальму первенства, но чтобы и в нем отметить недостатки, говорят, будто ему не хватает весомости. Ибо, сделав человеческие формы изящнее, чем они встречаются в природе, он недостаточно выявил величие богов и даже уклонялся от изображения более зрелых людей, так и не отважившись переступить возраст гладких ланит.

Но то, чего не хватало Поликету, полностью признается за Фидием и Алкаменом. Фидий будто бы наиболее совершенно изображал богов и людей, в особенности же превосходил своих соперников в изделиях из слоновой кости. Это суждение осталось бы в силе, если бы он даже ничего не создал, кроме Минервы в Афинах или Олимпийского Юпитера в Элиде, красота которого, как говорят, послужила к славе вновь принятой религии, так как это произведение в своем величии сравнялось с божеством.

Лисипп и Пракситель, согласно общепринятому мнению, успешнее других приблизились к правдивости. Деметрия же порицают за то, что он в этом направлении зашел слишком далеко и сходство предпочел красоте».

ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕМЕСЛО

Не часто удается человеку получить помощь для высшего своего совершенствования от вполне бескорыстных благодетелей. Даже тот, кто верит, что стремится к лучшему, споспешествует лишь тому, что он любит и знает, или, вернее, тому, что идет ему на пользу. Так было и с литературно-библиографическим образованием Винкельмана, которым он был обязан сначала графу Бюнау, а затем кардиналу Пассионеи.

Библиограф везде желанен, тем более во времена, когда страсть к собиранию замечательных и редкостных книг была живее, библиотечное же дело еще более замкнутым в себе. Большая немецкая библиотека напоминала большую римскую. Книжным достоянием они могли соперничать друг с другом. Поэтому библиотечарь немецкого графа был желанным домочадцем у кардинала, да и сам вскоре почувствовал себя у него как дома. Библиотеки были тогда подлинными сокровищницами, в то время как теперь, при быстром продвижении науки, при целесообразном и бесцельном умножении печатных трудов, они могут рассматриваться скорее как полезные кладовые, но в то же время и как скопища бесполезного хлама, так что библиотечарь в наше время должен больше чем когда-либо быть в курсе научной мысли и уметь отличать ценные книги от ничего не стоящих, а следовательно, немецкий библиотечарь обязан знать многое из того, что в другой стране ему не пригодится.

Но лишь очень недолгое время, пока это было нужно, чтобы добыть себе умеренные средства к существованию, Винкельман оставался верен своим литературным занятиям. Вскоре он утратил интерес ко всему, что относилось к критическим изысканиям, и не пожелал больше ни сравнивать рукописи, ни вступать в беседы с немецкими учеными, обращавшимися к нему по различным вопросам.

И все-таки его знания уже раньше облегчили ему доступ во многие дома. Частная жизнь итальянцев, в особенности римлян, в силу различных причин отличается известной таинственностью. Эта таинственность, или, лучше сказать, отчужденность, распространялась тогда и на литературу. Не один ученый посвятил свою жизнь какому-нибудь значительному труду, не помышляя о возможности опубликовать его и даже не стремясь к этому. Здесь, — чаще, чем в какой-либо другой стране, — находились люди, обладавшие самыми разносторонними познаниями и сведениями, которых, однако, невозможно было уговорить сообщить их в письменном, а тем более в печатном виде. Винкельман вскоре сблизился с ними. Среди этих людей он чаще всего называет имена Джакомелли и Балдани и с удовольствием упоминает о разрастающемся круге знакомств, равно как и о своем возрастающем влиянии.

КАРДИНАЛ АЛЬБАНИ

Больше всего улыбнулось ему счастье, когда он сделался домочадцем кардинала Альбани. Последний, при своем огромном богатстве и значительном влиянии, с юных лет питая любовь к искусству, имел все возможности ее удовлетворять, удаче же его как коллекционера граничили с чудесами. В позднейшие годы он находил величайшее удовольствие в достойном размещении своих коллекций и в соревновании со знатными римлянами, которые прежде него обратили внимание на ценность этих сокровищ пополнять коллекциями, по подобию древних, предназначенные для них помещения было его призванием и страстью. Здание теснилось к зданию, зала к зале, покой к покою, в фонтанах и обелисках, в кариатидах и барельефах, в статуях и сосудах не было недостатка ни во дворе, ни в саду, в то время как большие и малые комнаты, галереи и кабинеты хранили замечательнейшие памятники всех времен.

Проходя по его владениям, мы думали, что таким же образом заполняли свои хранилища древние. Ведь римляне до того загромодили свой Капитолий, что непонятно, каким образом там для всего нашлось место. Via Sacra, Форум и Паладин тоже были заставлены строениями и памятниками так, что воображение не могло бы себе представить эти пространства заполненными еще и людскими массами, если бы вид выкопанных из земли городов не приходил ему на помощь и мы бы не могли воочию убедиться, как тесны, малы и скорее похожи на макеты были возведенные там здания. Это относится даже к вилле Адриана, при закладке которой имелось достаточно и средств и пространства для грандиозного сооружения.

Итак, Винкельман покинул столь перегруженную виллу своего господина и друга, место, где он получал высшее и плодотворнейшее образование. Такою еще долгое время стояла она после смерти кардинала, на радость и удивление миру, пока в ходе все перемещающего и рассеивающего времени не были расхищены все ее сокровища. Статуи выдвинуты из ниш и сняты с места, барельефы вырваны из стен, и все это невероятное богатство уже стояло готовым к отправке. Благодаря удивительному стечению обстоятельств эти прекрасные творения были довезены только до Тибра. В весьма скором времени их возвратили прежнему владельцу, и бо́льшая часть их, за вычетом некоторых драгоценностей, теперь находится на старом месте.

И эту поначалу трагическую судьбу Элизиума искусств, а также его восстановление, из-за чудесного оборота событий, мог бы пережить Винкельман. Но благо ему, что он уже возвысился над земными горестями и счастьем, которое не всегда способно врачевать их.

УДАЧИ

Немало и внешних удач встретилось на его пути. Не только в Риме оживленно и успешно протекали раскопки древностей, многое было тогда новым из геркуланумских и помпейских находок, а многое благодаря зависти, укрывательству и медлительности еще оставалось неизвестным. Таким образом, Винкельман прибыл в Рим в пору жатвы, открывшей немало творческих возможностей его духу и деятельности.

Печально, когда приходится смотреть на существующее как на нечто завершенное и законченное. Оружейные палаты, музеи и галереи,

куда ничто больше не добавляется, напоминает склеп, обиталище духов; мысль замыкается в ограниченном кругу искусства, мы привыкаем смотреть на такие собрания как на нечто целое, вместо того чтобы благодаря постоянному приросту вспоминать, что в искусстве, как и в жизни, имеешь дело не с чем-то замершим и законченным, а с постоянным и бесконечным движением.

В таких счастливых условиях находился Винкельман. Земля выдала свои сокровища; беспрестанно оживленная антикварная торговля способствовала продвижению на свет некоторых старинных собраний, которые проходили перед его глазами, поощряли его склонности, давали повод к суждениям и умножали познания.

Немалым преимуществом явилось для него и знакомство с наследником огромного достояния Штоша. Лишь после смерти собирателя ознакомился он с этим маленьким миром искусства и стал властвовать в нем, сообразуясь с собственными взглядами и убеждениями. Разумеется, не со всеми частями этой в высшей степени ценной коллекции обошлись достаточно бережно, хотя она, бесспорно, заслуживала каталогизации, на радость и пользу любителей и коллекционеров; многое, было продано за бесценок; и вот для того, чтобы сделать превосходное собрание более известным и тем самым облегчить его продажу, Винкельман, совместно с наследником, взялся за изготовление каталога, о излишне поспешной и все же вдохновенной работе над которым говорят его сохранившиеся письма.

В распадае этого художественного тела наш друг принимает такое же участие, как и во все увеличивающемся и концентрирующемся собрании кардинала Альбани. А все, что проходило через его руки, будь то для собирания или распыления, равно увеличивало сокровища, которые он объял своим духом.

ПРЕДПРИНЯТЫЕ СОЧИНЕНИЯ

В ту пору, когда Винкельман в Дрездене впервые приблизился к искусству и его творцам, будучи еще новичком в этой области, он был как литератор вполне сложившимся мужем. Уже и тогда он охватил взором то время, которое ему предшествовало, и был основательно знаком с целым рядом наук.

Даже в своем тогдашнем глубоко подавленном состоянии он знал и чувствовал древний мир так же, как и все достойное в современности, в жизни и характерах. Он создал свой стиль. В новой школе, в которую он поступил, он прислушивался к словам мастеров не только как учащийся, но и как ученый. Он легко перенял их точные знания и немедленно начал пользоваться ими и растрачивать их.

И на более высоком поприще, чем Дрезден, с более высоким образом мыслей, который открылся ему, он оставался неизменным. То, что он перенял от Менгса, то, что внушало ему окружающее, он не долго хранил про себя, не давал молодому вину забродить и стать прозрачным; совершенно так же, как иные, согласно поговорке, учатся уча, он учился, набрасывая и сочиняя. Сколько названий он нам оставил, сколько перечислил объектов, которые должны были быть описаны в его работах; и по такому началу равнялась вся его дальнейшая деятельность исследователя древности. Мы видим его всегда за делом, всегда занятым настоящим моментом, который он схватывает и удерживает с таким рвением, будто в мгновенном может заключаться и завершенность, чтобы затем с таким же рвением извлечь поучение из следующей минуты. Все это сказано в похвалу его произведениям.

То, что его труды, которые нам теперь знакомы, сначала существовали в виде рукописей и лишь затем были напечатаны и тем самым зафиксированы для потомства, зависело от бесконечно разнообразных мелких обстоятельств. Одним месяцем позднее, и мы бы имели другое произведение — более правильное по содержанию, более определенное по форме, но, может быть, нечто совершенно иное. И именно потому мы так безмерно скорбим о его преждевременной смерти, что он, постоянно переписывая свои вещи, наполнил бы их своими дальнейшими новыми впечатлениями.

Все, что он оставил нам, — это живое для живущих, а не мертвые письмена.

Его произведения, сопоставленные с его перепиской, — жизнеописание, более того — сама жизнь. Как и жизнь большинства людей, они походят скорее на подготовку, чем на законченный труд. Они возбуждают надежды, чаяния и желания. Когда хочешь в них что-то исправлять, убеждаешься, что надо исправлять самого себя; когда хочешь их порицать, то видишь, что и сам подвергся бы тому же порицанию, разве что на более высокой ступени своего развития, ибо ограничение — известный наш удел.

ФИЛОСОФИЯ

Так как в становлении культуры не все области человеческой деятельности и поведения, в которых проявляется ее развитие, созревают равномерно, а, напротив, вследствие благоприятствующих свойств отдельных лиц и обстоятельств, одна область культуры обгоняет другую, привлекая к себе всеобщее внимание, то отсюда возникает известное ревнивое недовольство у отдельных членов этой столь широко разветвленной семьи, которые друг друга тем меньше терпят, чем ближе между ними родство.

Правда, обычно это — лишь пустая жалоба, когда представители то одной, то другой отрасли искусства и наук сетуют, что именно их предмет находится в пренебрежении у современников, — ведь стоит только появиться достойному мастеру, и он тотчас же привлечет к себе внимание. Возникни в наши дни новый Рафаэль, и мы уж сумели бы обеспечить ему и почести и богатство. Достойный мастер побуждает к творчеству лучших учеников, их деятельность дает, в свою очередь, новое разветвление — и так до бесконечности.

И все же философы спокон веков вызывают ненависть не только своих собратьев по науке, но также и светских людей и обывателей, и, пожалуй, не столько по своей вине, сколько по своему положению. Ибо раз философия по самой своей сути посягает на наиболее общее, наивысшее, она должна относиться ко всем явлениям мира как к чему-то в ней заключающемуся, ей подчиненному.

Эти посягательства, по сути, никем с должной решительностью не отрицаются; напротив, каждый мнит себя вправе участвовать в ее открытиях, пользоваться ее максимумами и расточать то, что она может ему дать. Но так как она, чтобы стать всеобщей, должна прибегать к собственной терминологии, к своеобразным комбинациям мысли и необычным ее ходам, не отвечающим привычному поведению людей и их преходящим потребностям, то она и терпит надругательства от тех, кто не знает, как к ней подступиться.

Но когда хотят обвинить философов в другом, а именно, что они и сами не ведают, как найти переход к жизни, и что именно там, где

убеждения надо превращать в дела и поступки, они прешаю большинство ошибок, тем самым подрывая свой собственный кредит в глазах света, — то для этого поистине нетрудно подыскать примеры.

Винкельман горько сетует на философов своего времени и на их распространившееся влияние. Но мне кажется, что возможно избежать любого влияния, углубившись в собственные труды. Удивляешься также, что Винкельман не поступил в Лейпцигский университет, где он мог бы под руководством Криста заниматься своим основным предметом, не заботясь ни об одном философе в мире.

Но когда перед нашим внутренним взором проходят события новейшего времени, нам кажется уместным высказать одно наблюдение, которым мы всегда руководствовались на жизненном пути: ни один ученый, отвернувшийся от великого философского движения, начатого Кантом, ему воспротивившийся или его презревший, не остался безнаказанным, за исключением призванных исследователей древнего мира, которые, благодаря самой природе своих изысканий, поставлены в особо благоприятные условия — по сравнению со всеми остальными людьми.

Ибо, занимаясь только наилучшим из того, что было создано человечеством, и расценивая посредственное или хотя бы менее достойное только в сопоставлениях с превосходнейшим, они достигли такой полноты знаний, такого совершенства вкуса, такой уверенности в суждениях, что кажутся, в своей ограниченной области, вполне сложившимися мужами и невольно вызывают в нас изумление и даже восторг.

Винкельману было дано это счастье, ибо на помощь ему с могучим своим воздействием пришли искусство и сама жизнь.

ПОЭЗИЯ

Как ни много внимания при чтении древних авторов Винкельман уделял поэтам, при более близком рассмотрении его исследовательских работ, да и всего его жизненного пути, мы не обнаружим у него подлинной любви к поэзии, иной раз даже известную нелюбовь к ней. Так и его пристрастие к старым, привычным лютеровским песнопениям, и то, что даже в Риме он хотел иметь при себе эту простосердечную книгу гимнов, свидетельствует скорее о добром, честном немце, чем о любителе поэзии.

Поэзия прошедших времен вначале, видимо, интересовала его как документ древних языков и литератур, впоследствии же как источник, свидетельствующий о развитии изобразительного искусства. Тем удивительнее и радостнее, когда он сам выступает в качестве поэта, притом превосходного и неоспоримого, в своих описаниях статуй и почти во всех своих произведениях поздней поры.

Глаза его видят, чувства схватывают непередаваемые творения, и все же он ощущает настойчивое стремление в словах и буквах приблизиться к ним. Законченная красота, идея, из которой возник ее образ, чувство, возбужденное в нем созерцанием, должно быть сообщено читателю, слушателю. И, пересматривая весь арсенал своих способностей, он убеждается, что вынужден прибегнуть к сильнейшему и достойнейшему из всего, чем располагает. Он должен стать поэтом, помышляет ли он об этом или нет, хочет этого или не хочет.

ДОСТИЖЕНИЕ ЯСНОСТИ

Как ни сильно был заинтересован Винкельман в известном признании света, как ни жаждал он литературной славы, как ни хорошо умел оснащать свои произведения и возвышать их известной торжественностью стиля, никогда он не был слеп к их недостаткам; напротив, он тут же замечал их, как этого и следовало ждать от его природы, постоянно совершенствующейся, постоянно схватывающей и преломляющей в себе все новые и новые объекты. Чем более догматично и дидактически подходил он в своей работе к какому-нибудь произведению искусства, давая то или иное объяснение монументу, то или иное толкование и раскрытие какой-нибудь детали, — тем заметнее ему становились прежние ошибки, выяснявшиеся благодаря новым данным, тем поспешнее он стремился так или иначе их исправить.

Если рукопись еще оставалась у него на руках, она переписывалась заново. Если была уже отослана в печать, то ей вслед направлялись поправки и дополнения. И из всех этих ошибок он не делал тайны для своих друзей, ибо правдивость, прямота и искренность были основой его существа.

ПОЗДНЕЙШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Счастливой мыслью, правда, явившейся ему не сразу, а лишь в ходе работы, были его «*Monumenti inediti*»[3].

Мы отлично знаем, что Винкельмана вначале привлекало желание выявить новые объекты, удачно пояснить их и тем самым значительно способствовать изучению древностей; затем сюда еще прибавился интерес испробовать и в этом труде, на объектах, предлагаемых вниманию читателя, метод, уже однажды созданный им для истории искусств, и отсюда же, наконец, возник и счастливый замысел во введении, предпосланном этой вещи, подчистить, исправить, сжать и частично сократить прежнюю свою работу по истории искусств, быть может, даже опустив некоторые ее места.

Сознавая свои былые ошибки, на которые, впрочем, ему вряд ли мог указать неримлянин, он написал работу на итальянском языке, рассчитанную и на римлян. При этом он пускает в ход не только свою замечательную пытливость, но отыскивает также и дружески к нему расположенных знатоков, с ними он кропотливо просматривает свою работу, остроумнейшим образом используя их мнения, их взгляды, и создает произведение, которое в качестве его завета будет жить во все времена. Он не только пишет его, но и хлопочет о его выпуске, сам работает над ним и — частное лицо, бедный человек — предпринимает и выполняет то, что сделало бы честь любому хорошо поставленному издательству, использующему академические силы.

ПАПА

Можно ли столько говорить о Риме и не упомянуть о папе, который, хотя и не непосредственно, сделал много доброго для Винкельмана.

Пребывание Винкельмана в Риме в большей своей части совпало с правлением Бенедикта XIV. Ламбертини, будучи человеком живым и веселым, скорее давал править, чем правил сам; поэтому должности, которые занимал Винкельман, предоставлялись ему не столько благодаря признанию папой его заслуг, сколько по милости высокопоставленных друзей.

И все же однажды мы видим его в знаменательном общении с главою церкви; на долю Винкельмана выпадает совершенно особая честь: разрешение прочитать папе некоторые места из «Monumenti inediti»; таким образом, он и здесь достигает высшей почести, которая может выпасть на долю писателя.

ХАРАКТЕР

Если у многих людей, — в первую очередь это относится к ученым, — главным является то, что они создают, характер же их при этом мало выявляется, то у Винкельмана, напротив, все, созданное им, ценно и замечательно именно в силу того, что здесь неизменно проявляется его характер. Если выше, в замечаниях об античном, языческом, а также о чувстве дружбы и красоты, мы высказали ряд общих суждений, то здесь, в конце, будет уместно поговорить о частном.

Винкельман был прежде всего натурой честной по отношению к себе и другим; его прирожденная любовь к справедливости развивалась все больше и больше, по мере того как он становился самостоятельным и независимым, а в конце жизни учтивое снисхождение к собственным ошибкам, столь принятое в жизни и в литературе, он уже приравнивал к преступлению.

Подобная натура могла бы самодовольно замкнуться в себе; но и здесь мы наталкиваемся на ту же присущую древним особенность — всегда заниматься собой без того, чтобы собственно наблюдать себя. Он думает только о себе, но не размышляет над собою, его занимает все, что ему предстоит, он интересуется всем своим существом, всем охватом своего существа, и верит, что и его друзей это интересует. Поэтому мы встречаем в его письмах упоминания о всех потребностях, начиная с наиболее высоких, духовных, и кончая низменными, физическими. Он даже признается, что охотнее говорит о житейских мелочах личного порядка, чем о высоких материях. При всем том он остается загадкой для себя, часто сам себе дивится, в особенности, когда видит, чем он был и что из него вышло. Но ведь и каждого человека можно рассматривать как некую многосложную шараду, в которой он сам неуверенно разбирает лишь несколько слогов, в то время как другие легко разгадывают все слово.

Мы также не обнаружим у Винкельмана и ясно выраженных правил: верное восприятие и высоко развитый дух служат ему путеводной нитью как в эстетической, так и в моральной области. Перед ним витает подобие какой-то натуральной религии, причем бог является в ней скорее первоисточником красоты, существом, почти не имеющим касательства к человеку.

С редкостным достоинством ведет себя Винкельман в границах долга и благодарности.

Его забота о себе умеренна, хотя и не во все времена одинакова. В то же время он усердно трудится, чтобы обеспечить себе существование на старости лет. Его средства благородны: на пути к любой цели он выказывает себя честным, прямым, даже упрямым, но всегда умным и решительным. Он никогда не работает планомерно, всегда руководится инстинктом и страстью, его радость при каждой новой находке огромна: поэтому неизбежны и ошибки, которые он, однако, при своем постоянном движении вперед исправляет так же быстро, как и впадает в них. И здесь, несомненно, проявляется свойство древних: определенность точки, от которой исходишь, и неопределенность цели, к которой идешь, равно как и неполнота и несовершенство трактовки, когда таковая достигает истинной широты.

ОБЩЕСТВО

Если вначале, мало подготовленный своим прежним образом жизни, он чувствовал себя в обществе несколько стесненно, то вскоре сознание собственного достоинства заменило ему воспитание и привычку и он очень быстро научился вести себя сообразно обстоятельствам. Охота общаться с людьми знатными, богатыми и знаменитыми, радость от того, что они ценят его, проглядывает у Винкельмана повсюду; и нигде бы он не освоился легче, чем в той стихии, в которую попал в Риме.

Он сам замечает, что тамошние вельможи, в особенности духовные лица, кажутся чрезвычайно церемонными во внешнем мире, но у себя, в общении с домочадцами, ведут себя просто и доверительно; он видимо, не заметил, что под такой доверительностью кроется восточное отношение господина к слуге. Все южные нации сочли бы бесконечно скучным держаться со своими приближенными в длительном и взаимном напряжении, к которому привыкли северяне. Путешественникам часто бросалось в глаза, что рабы гораздо непринужденнее относятся к своим турецким властителям, чем северные придворные к государям или подчиненные к начальству; впрочем, если взглянуть поглубже, станет ясно, что эти знаки уважения идут скорее на пользу подчиненным, ибо тем самым постоянно напоминает вышестоящему его долг по отношению к низшим.

Южанин хочет по временам чувствовать себя свободным, и это тоже служит на пользу его окружающим. Подобные сцены Винкельман описывает с большим удовлетворением: они облегчают ему его зависимость, питают в нем свободолюбие вззирающее с неприязнью на все стеснительные узы.

ЧУЖЕСТРАНЦЫ

Если Винкельман был очень счастлив в своем общении с местными жителями, то тем больше неприятностей и огорчений испытал он от чужестранцев. И правда, ничего нет страшнее заурядного чужестранца в Риме. Во всяком другом месте путешественник свободно может оставаться самим собой и сыскать нечто для себя подходящее; но человек, не сумевший примениться к Риму, пугало для всякого, кто проникся духом этого города.

Англичан упрекают за то, что они повсюду возят с собой свой чайник и тащат его даже на вершину Этны, но разве не у каждой нации имеется такой чайник, в котором она во всех путешествиях кипятит свои травы, собранные дома?

Таких все меряющих свою меркой и не замечающих окружающего, торопливых, наглых чужестранцев не раз проклинал Винкельман, дает себе слово никогда не руководить их прогулками по Риму и все же в конце концов позволяет уговорить себя. Он и сам подшучивает

над своей склонностью настаивая; убеждать и развешивать, хотя и тут он извлек немало хорошего из знакомства с людьми, значительными по своим заслугам или положению. Назовем, к примеру, князя Дессауского, наследных принцев Мекленбург-Стрелицкого и Брауншвейгского, а также барона фон Ридезеля, человека, прекрасно понимавшего искусство и античный мир и в этом смысле вполне достойного дружбы с Винкельманом.

СВЕТ

У Винкельмана мы встречаем неослабевающую потребность в уважении и внимании, но достигнуть этого он стремится лишь за что-то реальное. Реальность нужна ему во всем: в объектах, методах, в истолковании; потому-то он и питает такую вражду к французскому внешнему лоску.

В Риме, где ему представился случай общаться с чужестранцами всех наций, он ловко и энергично приобретал полезные связи. Почести, которыми его окружали ученые общества и академии, были ему приятны, он даже добивался их.

И все-таки наибольшую радость ему доставляло в трудах приобретенное им свидетельство его заслуг; я имею в виду его «Историю искусств». Она была тотчас же переведена на французский язык и снискала ему широкую известность.

Подобное произведение получает наиболее полное признание в момент, когда оно вышло в свет; все приведенное им в движение живо воспринимается, все новое находит отклик; люди поражены, как далеко они, благодаря ему, продвинулись вперед. И напротив, более холодное потомство брезгливо дегустирует творение своих наставников и учителей и предъявляет требования, которые им и в голову не пришли бы, если бы те, с кого они теперь требуют еще большего, в свое время не совершили столь многого.

Так, Винкельман стал известен всем культурным народам Европы в час, когда ему в Риме уже оказали достаточно доверия и он был удостоен немаловажного поста Президента древностей.

БЕСПОКОЙСТВО

Несмотря на это всеми признанное и им самим неоднократно прославлявшееся благоденствие, Винкельмана постоянно терзало беспокойство; глубоко заложенное в его характере, оно принимало самые различные образы.

Вначале он с трудом перебивался; но и позднее, живя милостью двора и благодеяниями некоторых доброжелателей, ограничивал каждую малейшую свою потребность, чтобы не сделаться зависимым или, вернее, еще более зависимым. Но в то же время он неустанно трудился, добывая себе средства к существованию как для настоящего, так и для будущего, пока, наконец, прибыльное издание его работы о гравюрах не окрылило его наилучшими надеждами.

И все же это неопределенное положение приучило его, в поисках пропитания, бросаться то в одну, то в другую сторону, обосновываться с весьма малой для себя выгодой в Ватикане, в доме кардинала и т. п., а как только ему открывались другие возможности, мужественно оставляя этот пост, чтобы тут же вновь пуститься на поиски другой службы, прислушиваясь к самым различным предложениям.

Вдобавок тот, кто живет в Риме, одержим любовью к странствиям во все концы света. Себя он видит в центре древнего мира, а вокруг себя интереснейшие для искателя древностей земли: Великую Грецию и Сицилию, Далмацию, Пелопоннес, Ионию и Египет, и все это манит к себе жителя Рима и время от времени возбуждает в том, кто, подобно Винкельману, рожден со страстью к созерцанию, непреодолимое влечение, которое возрастает еще и благодаря множеству чужестранцев, намеревающихся проездом, во время своих путешествий, то разумных, то бессмысленных, посетить эти страны. Возвращаясь в Рим, они не устают рассказывать о чудесах далеких краев.

Так и наш Винкельман стремится везде побывать, частью на собственные средства, частью же в обществе обеспеченных путешественников, которые умеют более или менее ценить знающего и талантливого спутника.

Еще одной причиной такого внутреннего беспокойства и неудовлетворенности, делающей честь его сердцу, является его непреодолимое стремление к отсутствующим друзьям. Здесь, по-видимому, своеобразно сказалась тоска человека, всегда живущего только в настоящем. Он как бы видит их перед собой, он беседует с ними в письмах, тоскует по их объятиям, мечтает повторить прежние дни совместной жизни.

Это желание, всего чаще устремлявшее его на север, оживилось с наступлением мира. Мысль представиться великому королю, который уже раньше удостоил его предложением службы, преисполняет его гордостью; вновь свидеться с князем Дессауским, возвышенную и уравновешенную натуру которого он рассматривал как дар божий, засвидетельствовать свое почтение герцогу Брауншвейгскому, чьи крупные заслуги он умел ценить, лично воздать хвалу министру фон Мюнхгаузену, столь много сделавшему для науки, и ознакомиться с его бессмертным созданием в Геттингене, живо и доверчиво поделиться радостью со своими швейцарскими друзьями — все эти соблазны опять ожили в его сердце и воображении. Винкельман так долго рисует себе эти картины, так долго тешит себя ими, пока, к несчастью, не уступает наконец своему влечению и не пускается в путь, навстречу смерти.

Душой и телом он уже принадлежал итальянской жизни, всякая другая ему казалась несносной. И если на пути в Италию горы и скалы Тироля еще занимали и даже восхищали его, то на обратном пути в отечество ему уже чудилось, что он близится к Киммерийским вратам; он был преисполнен боязни и охвачен мыслью о невозможности продолжить путь.

КОНЧИНА

Итак, достигнув высшей ступени счастья, о котором едва осмеливался мечтать, он расстался с миром. Его ждала родина; друзья протягивали руки ему навстречу; все выражения любви, которых он так жаждал, все изъявления общественного почитания, которому он придавал такое значение, только и ждали его приезда, чтобы щедро одарить его. И в этом смысле мы должны считать его счастливым, ибо к вечному блаженству он поднялся с вершины человеческого существования; короткий испуг, мгновенная боль вырвали его из круга

живых. Ему не довелось испытать немощной старости, упадка духовных сил. Расточение сокровищ искусства, которое он предсказывал, хотя и в несколько другом смысле, не прошло перед его глазами. Он жил как муж и как совершенный муж ушел из этого мира. Но ему было суждено еще одно преимущество — сохраниться в памяти потомства вечно живым и деятельным: ибо человек и среди теней сохраняет тот образ, в котором он оставил землю. Ведь и Ахилл для всех нас — вечно стремящийся юноша. То, что Винкельман почил рано, пошло на благо и нам. Бодрящее дыхание веет от его могилы и возбуждает в нас живое стремление ревностно, любовно и неотступно продолжать то, что было начато им.

1804–1805

Комментарии

Написано в 1804–1805 годах, в 1805 году вышло отдельной книгой. В данном переводе, по сравнению с текстом берлинского издания, опущено: посвящение просвещенной правительнице Анне-Амалии, герцогине Саксен-Веймарской, страничка «Предварение» (Vorrede) и следующий за ним «Набросок истории искусства XVIII столетия», принадлежащий перу Г. Мейера и лишь отредактированный Гете.

Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768) — выдающийся немецкий теоретик и историк искусства; его главный труд «История искусства древности» (1763) заложил основы научного искусствознания и явился одним из наиболее ярких выражений демократического и просветительского понимания искусства. Работа Гете — выдающийся образец характеристики одного деятеля искусства другим. Наряду с объективной оценкой личности и значения Винкельмана сочинение Гете содержит ряд положений о творчестве и о художественном чувстве, выражающих точку зрения самого Гете.

Берендис Иероним Дитрих — друг и корреспондент Винкельмана, сведения о нем сообщаются дальше в тексте.

Штош. — Генрих Вильгельм Муцель-Штош владел дорогой коллекцией гемм и произведений искусства. Письма Винкельмана к нему и другим лицам опубликованы в 1781 г.

...письма к швейцарцам... — Имеются в виду «Письма Винкельмана к его друзьям в Швейцарии» (Цюрих, 1778). Эти письма адресованы художнику И.-Г. Фюссли, поэту и художнику Саломону Гесснеру, художникам Л. и П. Устери, Христиану фон Михелю.

Дассдорфское собрание — «Письма Винкельмана к друзьям», изданные К.-В. Дассдорфом в 1777–1780 гг. Граф Бюнау (1697–1762) — германский государственный деятель. Упомянутое Гете письмо датировано 19 сентября 1754 г.

...о перемене своей религии... — В 1754 г. Винкельман перешел из протестантской веры в католическую.

Нётниц — поместье графа Бюнау под Дрезденом.

Carolinum — училище для молодых дворян в Брауншвейге.

Хлорида — дочь Ниобеи, Тийя — дельфийская нимфа (греч. миф.).

...объект, может быть, недостойный... — Имеется в виду ученик, а затем друг Винкельмана Фридрих Вильгельм Петер Лампрехт.

Юпитер (Зевс) Олимпийский — несохранившаяся статуя греческого скульптора Фидия из золота и слоновой кости, описанная у Павзания в его «Описании Греции».

...долгое время тянул ляжку служения чуждым ему целям... — Гете имеет в виду службу Винкельмана библиотекарем у графа Бюнау, что не совсем справедливо, так как в эти годы Винкельман усердно изучал теоретические труды и занимался живописью у художника Эзера, у которого впоследствии учился и молодой Гете.

«О подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» — первое теоретическое сочинение Винкельмана, изданное в 1755 г., в котором было дано определение сущности античного эстетического идеала как «благородной простоты и спокойного величия».

Липперт Филипп Даниэль (1702–1785) — профессор античного искусства в Дрезденской академии; Хагедорн Христиан Людвиг (1712–1780) — автор «Размышлений о живописи» (1762) и коллекционер. Эзер Адам Фредерик (1717–1799) — художник, друг Винкельмана. Гете учился у него в бытность студентом в Лейпциге. Дитрих Христиан Вильгельм Эрнст (1712–1774) — художник, директор Мейсенской фабрики фарфора и профессор Дрезденской академии. Гейнекен Карл Генрих (1706–1791) — директор Дрезденской галереи. Эстеррейх Матиас (1716–1778) — директор Дрезденского кабинета гравюр.

Винкельман был теперь в Риме... — Он прибыл туда в ноябре 1755 г.

...один из наших друзей... — Имеется в виду Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) — видный немецкий ученый. Далее цитируется его описание Рима.

Тибур — город вблизи Рима, в современной Италии называется Тиволи; Гораций имел там виллу.

...обратили Рим в полицейский город... — Рим входил в состав Папской области, в которой была только гвардия, охранявшая резиденцию папы.

Семьдесят два кардинала. — Римский папа избирается советом (конклавом) всех кардиналов; во время написания этой работы их было семьдесят два.

Менгс Антон Рафаэль (1728–1779) — немецкий художник, подготовивший путь классицизму. Работал придворным живописцем в Германии, Италии, Испании. Винкельман подружился с ним в Риме в 1760–1761 гг. и посвятил ему свою «Историю искусства древности».

«О вкусе греческих художников». — Винкельман не завершил эту работу, как и упоминаемую далее — «О стиле скульптур времен Фидия». Сведения о них имеются лишь в письмах Винкельмана.

Vellejus Paterculus — римский историк I в. Валерий Патеркул, написал «Историю Рима для консула М. Виниция».

Квинтилиан Марк Фабий (I в.) — автор «Введения в ораторское искусство». Цитируемый далее текст извлечен из главы 10 книги 12 этого сочинения.

Полигнот — древнегреческий живописец V в. до н. э. Аглафон — отец Полигнота и его учитель в живописи.

Апеллес. — Прославленный древнегреческий художник, жил (как и перечисленные выше Зевксис, Паррасий и др.) в IV в. до н. э. был близок ко двору Александра Македонского. Евфранорий (ок. 360 г. до н. э.) — художник и скульптор. Ниже перечисляются известные древнегреческие скульпторы V в. до н. э.

Лисипп, Пракситель и Деметрий — скульпторы IV в. до н. э.

Кардинал Пассионеи (1682–1761) — владел богатейшей библиотекой такого же рода, как и Бюнау; живя в Риме, Винкельман пользовался этой библиотекой.

Джиакомелли — секретарь римского папы Клементя XIII, отличавшийся большой ученостью. Балдани — чтец кардинала Альбани (см. ниже), коллекционер.

Кардинал Альбани (1692–1779) — племянник папы Клементя XI, библиотекарь Ватикана, коллекционер и знаток древнего искусства.

Via Sacra — Священная дорога, по которой римляне совершали торжественные шествия; проходила между Форумом и Колизеем. Форум — площадь народных собраний в Риме. Палатин — первый из семи холмов Рима, который был застроен, местонахождение дворцов; как и остальные части древнего Рима, ко времени Винкельмана и Гете Палатин представлял собой развалины.

Вилла Адриана — загородный дворец римского императора Адриана (76–138) в Тибуре (Тиволи); был расположен на обширной территории и окружен многочисленными зданиями.

Элизиум — в греческой мифологии место упокоения героев, загробный мир.

... из геркуланумских и помпейских находок... — Геркуланум и Помпея — города у подножия вулкана Везувия — были в 79 г. уничтожены извержением лавы. Раскопки, начатые в XVIII в., открыли большое количество памятников архитектуры, скульптуры и живописи.

... огромного достояния Штоша. — Барон Филипп фон Штош (1691–1757) собрал коллекцию, содержащую 3000 резных камней и 28 000 оттисков. Его наследник Г.-В. Муцель-Штош решил (см. выше) продать коллекцию, в связи с чем Винкельман составил ее каталог. В 1764 г. коллекция была приобретена Фридрихом II Прусским.

Крист Иоганн Фридрих (1701–1756) — профессор истории и поэзии в Лейпцигском университете, один из первых знатоков археологии в Германии.

Кант Иммануил (1724–1804) — великий немецкий философ, основатель «критической философии». Гете стал знакомиться с его сочинениями после возвращения из Италии, главным образом по совету Ф. Шиллера. В беседе с Эккерманом Гете сказал о Канте: «Он — тот, кто создал наиболее действенное по своим результатам учение, и он глубже всех проник в немецкую культуру» (11 апреля 1827 г.).

Лютеровские песнопения — гимны, сочиненные Мартином Лютером для протестантского богослужения.

«Monumenti inediti» — сокращенное название труда Винкельмана «Неизвестные памятники античности, объясненные и обрисованные И. Винкельманом» (1767).

Папа Бенедикт XIV Ламбертини — принял Винкельмана, но должности ему предоставил следующий папа — Клемент XIII, давший ему звание Президента римских древностей и назначивший его немецким секретарем Ватикана.

Почести, которыми его окружали ученые общества и академии... — Винкельман был членом итальянских Академии св. Луки (Академия художников), Этрусской академии в Кортоне, лондонского Общества древностей, в Германии — Королевского общества наук в Геттингене, Королевской академии свободных искусств в Аугсбурге.

... мысль представиться великому королю... — Речь идет о Фридрихе II Прусском. Гете с юных лет был склонен преувеличивать значение этого короля для немецкой культуры.

Герцог Брауншвейгский Карл-Георг-Август — отец княгини Анны-Амалии Саксен-Веймарской, которой был посвящен этюд о Винкельмане. Министр фон Мюнхгаузен — основал в 1737 г. университет в Геттингене и Академию наук, членом которой был избран Винкельман.

Киммерийские врата. — По Гомеру, киммерийцы жили на краю света, в мрачной стране без солнца («Одиссея», 11, 14 и сл.). Гете противопоставляет солнечную Италию туманной Германии.

А. Аникст

Примечания

1 Счастлив, кто вдали от дел (лат.).

2 Луга (здесь: пустыри) Рима (итал.).

3 «Неизданные памятники» (итал.).